мой, лишенной всего «пушкинского» и вообще художественного, является по-видимому, «вечная» тема 'несчастной любви' (в банальном смысле слова). Но и сам выбор такой темы, естественно вписывающейся в пушкинскую картину мира, видимо, не случаен — она очень близка к одному из постоянных мотивов ('страсть перед лицом бесстрастия').

В этой связи обращает на себя внимание также неопределенность обстоятельств романа между двумя главными героями стихотворения, характерная в ряде отношений.

Во-первых, неконкретность специфической темы (как бы полностью растворяющейся в постоянных) — типичное свойство абстрактной лирики (философской и иной), нацеленной прежде всего на манифестацию поэтического мира автора. Во-вторых, это оборотная сторона знаменитого пушкинского лаконизма, его «головокружительной краткости» (А. Ахматова). Наконец, само наличие такой неопределенности, причем применительно к ключевым компонентам темы (признание или только воспоминание? остыла или продолжается? холодность или вынужденная сдержанность?) служит воплощению амбивалентного центрального мотива ('бесстрастная любовь').

Амбивалентная неопределенность — основной способ сцепления тех постоянных мотивов, на которых держится «пушкинское» осмысление и оформление исходной темы ('несчастная любовь'). Эта амбивалентность поддержана и развита рядом других средств.

Так, совмещение 'признания' с 'воспоминаниями' использовано для проведения темы 'бесстрастной любви' через два временных плана. Все, что́ рассказывается о прошлой 'любви' (безмолвность, ревность, предположительное угасание и т. д.), непосредственно явлено структурой этого рассказа, воплощающей теперешнее состояние героя и его 'любви' (косвенностью признания, отказом в пользу *другого*, ноткой ревности в последней строке).

Проблема «остыла или нет?» развернута в миниатюрный сюжетный поворот: сначала говорится, что 'любовь' прошла (*угасла*), потом это ставится под сомнение (*не совсем*), а затем дается понять, что причина 'бесстрастия' вообще не в этом (*не хочу печалить*).

Напротив, неопределенность мотивов поведения героини сюжетно никак не «разыграна», в чем проявляется 'благоговейно-отчужденное отношение' к ней лирического героя (другими проявлениями этого своеобразного 'бесстрастного поклонения' можно считать обращение на *вы*, отмеченное Шкловским, и последовательное употребление лишь косвенных падежей этого местоимения, отмеченное Якобсоном).

Кстати, сама эта эмоциональная установка оригинально совмещает мотивы 'любовь без желаний' и 'превосходительный покой'. К тому, как разработаны в стихотворении парадоксы 'благоговения/превосходства', 'любви/отречения' и 'привязанности/отчужденности', мы еще вернемся. Пока заметим, что в качестве психологически обоснованного совмещения всех этих начал привлекается мотив 'альтруистическое смирение любовных притязаний'. Он позволяет построить совмещение не на компромиссе, а на предельном развитии полюсов темы: 'отказ от притязаний из желания добра любимому человеку' — это одновременно и максимальное проявление 'любви', и 'отречение' от нее, и 'осознанная необходимость', и 'демонстрация свободы и превосходства'. Характерно также, что в сюжете стихотворения причина ('любовь') и следствие ('отказ от притязаний') не сменяют друг друга во времени, а сосуществуют одновременно, создавая соответствующее теме впечатление амбивалентной смеси двух состояний, длящегося пребывания в поле обоих полюсов, ощущение *жертвенного пламени*, *тихого жара*, *печального сладострастья*.